

Цзи Саньмэй, всё ещё пылая жаром и не ведая, какой нынче день, тихо рассмеялся и снова погладил его по голове:

— Ату, какой ты славный. Ладно, пусть живёшь тут только ты один. Но пообещай мне одно: больше не ходи на улицу и не связывайся с другими кобелями. Папа теперь не может, он стар, драться не в силах.

Шэнь Фаши прижался щекой к его щеке:

— Ничего. Если ты не можешь, то могу я. Если я не смогу за тебя заступиться, тогда какой от меня толк?

После того нелепого пари духовный корень Цзи Саньмэя исчез навсегда, и с тех пор весь его авторитет зиждился на Шэнь Фаши, что стоял за его спиной, и на Цзи Лючэне, что заслонял его собой.

...Так как же Цзи Саньмэй мог остаться в живых после битвы при Линтине? Как мог ослепнуть и скитаться в Ичжоу? И откуда у него силы, чтобы захватывать злых духов?

...И самое главное — неужели все его усилия последних лет были напрасны? Он не погиб в Чжуине?

Шэнь Фаши больше не мог усидеть на месте. Он схватил стоявший рядом магический посох, отчего буддийский колокольчик на нём резко зазвенел. Даже Чанъань, который, уставившись на персиковое дерево, старательно искал «сестричку», отвлёкся и обернулся на шум.

— Нет, я должен вернуться туда и взглянуть, — заявил Шэнь Фаши.

Ван Чуаньдэн резко переменялся в лице. Он взмахнул рукой, и в воздухе метнулась огненная коса, с грохотом опустившись на монашеский посох Шэнь Фаши:

— Губернатор! Эта вещь ввергнет вас в демоническое искушение! Не забывайте, вы ушли в буддизм именно для того, чтобы избавиться от этой зависимости!

— Я обязан вернуться. Я должен узнать, как он погиб.

Лицо Ван Чуаньдэна, озарённое яростным пламенем, исказилось:

— Вы смотрели на это три года! Разве этого мало?!

Он указал на дом:

— Губернатор, если вы уверены, что в доме — ваша супруга, спросите его! Я больше не позволю вам использовать себя как «треножник Асуры»!

В глазах Шэнь Фаши проступила пугающая белизна, медленно расплываясь по зрачкам:

— Из десяти его слов девять с половиной — ложь. Я должен увидеть всё своими глазами!

— А-а-ах!

В самый разгар их противостояния неподалёку раздался пронзительный, душераздирающий женский вопль, взметнувшийся к самым небесам и пронзивший облака и луну.

Младенец в доме Сюя тут же залился громким плачем.

На раскидистой акации во дворе появилось густое пятно тени, похожее на огромное птичье гнездо. Но, приглядевшись, можно было различить присевшую на корточках женщину!

Авторское примечание: Саньмэй: Я — маленький домик.

Маг: ...Тогда я войду внутрь.

Цзи Саньмэй резко распахнул глаза, накинул одежду, босиком спустился на пол, распахнул дверь и, пройдя мимо Шэнь Фаши, поспешно вышел во двор. Он положил руку на плечо Чанъаню, словно между ними состоялся некий тайный сговор:

— Ну как?

Чанъань кивнул:

— Похоже, сестричке-персику старичок пришёлся по душе. Он согласился нам помочь.

Цзи Саньмэй накинул куртку наспех, кое-как застегнул одну пуговицу посередине и, обернувшись, улыбнулся:

— Учитель, пойдём. Я...

Он вдруг резко оборвал себя на полуслове.

Цзи Саньмэй отчётливо разглядел, что весь лоб Шэнь Фаши был усеян мелкими серебряными искорками, а из глаз его медленно отступала белая тень — словно чья-то треугольная змеиная голова, таившаяся в его зрачках, мельком взглянула на Цзи Саньмэя, прежде чем скрыться обратно в своей норе.

Цзи Саньмэй нахмурился. Он вернулся к ступенькам крыльца, потянул за пояс Шэнь Фаши и спросил:

— Что случилось?

Ван Чуаньдэн, вопреки всякому этикету, ткнул Шэнь Фаши в подколенку, давая знак поскорее прийти в себя, и поспешно сказал за него:

— Губернатор нездоров.

Цзи Саньмэй слегка нахмурил брови, обмотал пояс Шэнь Фаши вокруг своего запястья и приказал:

— Учитель, присядь немного.

Рост Цзи Саньмэя по сравнению с Шэнь Фаши был совсем крошечным. Тот наклонился, уставившись в его глаза, мерцавшие в лунном свете слабым блеском, но, похоже, всё ещё не мог как следует сосредоточиться.

А Цзи Саньмэю было не до того, чтобы пытаться понять, о чём думает Шэнь Фаши.

Под пронзительные вопли призрачной колесницы и рёв младенца он обхватил ладонью затылок Шэнь Фаши, встал на цыпочки и прижался губами прямо ко его лбу.

Шэнь Фаши вздрогнул всем телом, словно его обожгли.

Сомкнувшиеся на его лбу губы были влажными и мягкими, словно прозрачная смола, оставившая после недолгого прикосновения капельку янтаря. Несколько капель пота скатились со лба Шэнь Фаши по щеке к самым губам и просочились в рот.

Горько-солёный пот, коснувшись губ Цзи Саньмэя, словно превратился в сладкий сироп.

Цзи Саньмэй отстранился и с любопытством пробормотал себе под нос:

— Жара нет... С чего бы нездоровье?

Тут же его розовый язычок высунулся наружу, он с наслаждением облизнул собственные губы, смакуя послевкусие от только что съеденного «тофу».

Ван Чуаньдэн остолбенел.

Кажется, он наконец понял, что значит «заставить хоть голого угря свернуться кольцом».

Хотя мастерство, с которым губернаторша обольщала губернатора, и повергло его в изумление, Ван Чуаньдэн всё же помнил, что пора бы заняться делами.

Губернатор, вечно твёрдый, рядом с губернаторшей неизменно смягчался, но если этим двоим вздумается предаваться нежностям, сейчас определённо не время и не место. Судя по всему, Сюй Тай уже скоро подойдёт, а на заднем плане всё ещё звучит жалобный дуэт, где партии передаются от одного исполнителя другому.

Не оставалось выбора — пришлось вламываться в их уютную атмосферу и решительно её разрушать:

— Губернатор, что прикажете делать?

Цзи Саньмэй, получив свою порцию «тофу», бросил Ван Чуаньдэну игривый взгляд из-под ресниц — взгляд, от природы наделённый цепкими крючками:

— Пойдём. Я покажу вам «клетку для сверчков».

Цзи Саньмэй лишь бросил этот взгляд, а Шэнь Фаши в ответ тут же впился в спину Ван Чуаньдэна недобрым, колючим взором.

Зажатый меж двух огней, Ван Чуаньдэн едва не прыснул со смеху.

...Прости, губернатор, но мужчины вроде вашей супруги меня не интересуют. Мне больше по душе те, кого можно держать дома, — смирных, безропотных, которые, когда я решу оседлать коня, покорно раздвинут ноги и будут ждать.

Бросив эту фразу и тот самый губительный взгляд, Цзи Саньмэй развернулся и побежал к воротам. На его щеках вспыхнули алые узоры талисманов, он взмахнул широким рукавом своего светло-голубого халата — и плотно закрытые ворота послушно распахнулись, едва не ударив подбежавшего Сюя Тай.

— Беда, мастер Саньмэй! Она... эта тварь явилась... она здесь! — закричал Сюй Тай.

Цзи Саньмэй, не оборачиваясь, быстро зашагал прочь. Остальные трое выскочили из ворот и

устремились за ним.

Чем ближе они подходили, тем более искажённым и фальшивым становился странный вопль — словно в отверстие флейты залили раскалённую ртуть, которая, постепенно застывая, делала звук всё более дисгармоничным и пронзительным.

К удивлению Сюя Тай, когда он, едва переводя дух, добежал до дерева, призрачная колесница, обычно удиравшая при малейшей опасности, всё ещё сидела на ветвях.

На дереве висело нечто вроде огромного, похожего на опухоль, гнезда. Или, если быть точнее, как и описывал Цзи Саньмэй, — огромной клетки для сверчков.

Длинные, тонкие и гибкие ветви акации переплелись между собой, искусно изогнувшись и образовав естественную тюрьму.

На ветке сидела чёрная, похожая на ворону, тень. Она яростно долбила клювом листву, но та, казавшаяся хрупкой, за долгие годы набрала невероятную прочность. В одиночку она никак не могла разорвать эту мягкую темницу. Уже кровь сочилась из уголков её клюва, твёрдый покров на нём был почти расклёван, но дерево ни за что не желало выпустить свою пленницу.

Призрачная колесница оказалась в западне, пойманной птицей в клетке. Она пронзительно выла, прыгала, металась в поисках выхода, но всё тщетно.

Цзи Саньмэй повернулся к остолбеневшему Сюю Тай и, вызывающе улыбнувшись, сказал:

— Господин Сюй, она ваша.

А Ван Чуаньдэна больше интересовало, как Цзи Саньмэю удалось поймать призрачную колесницу.

Он остановил Чанъаня, который, судя по всему, состоял с Цзи Саньмэем в тайном сговоре:

— Что произошло?

Чанъань, конечно же, покорно рассказал всё как было:

— Сегодня после полудня, выйдя из ванной, младший брат ученик нашёл меня и велел отыскать дерево, чтобы поговорить со старым деревом-предком и попросить помощи. Как раз во дворе росла персиковая, и в ней обитала восьмилетняя душа персикового дерева. Она согласилась помочь мне упросить старого предка-акацию. Поэтому...

Ван Чуаньдэн приподнял бровь:

— Так ты предложил себя этой духу персикового дерева?

Чанъань смущённо покачал головой.

Ван Чуаньдэн:

— Или пообещал помочь ей поскорее обрести форму?

Чанъань снова покачал головой.

<http://bllate.org/book/16281/1466176>